

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РАДИОТЕХНИКИ, ЭЛЕКТРОНИКИ И
АВТОМАТИКИ (ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»

Кафедра философии, социологии и политологии

Сообщение на тему:

«СЕМЬЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

Выполнил: студент Минаев А.А. (ИТА-1-09)
Преподаватель: Гладышева С. Г.

Москва 2011

Введение

Революция 1917 года, создание Союза Советских Социалистических Республик и установление марксистско-ленинской идеологии и философии оказали колоссальное влияние на жизнь каждого человека того времени, что не могло не отразиться на взглядах и идеях общества в целом.

Решительное уничтожение всех старых порядков, имеющих отношение к империализму и старому строю, рождало новые, иногда даже абсурдные (например, протест против одежды с лозунгом «Стыд – черта капитализма!»), идеи по модернизации жизни и общества в целом.

В стороне от этой модернизации не могла остаться основа общества, важнейший общественный институт – семья.

Дадим определение понятию семья:

Семья — организованная социальная группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, которая обусловлена потребностью общества в физическом и духовном самовоспроизводстве.

Данное понятие сильно противоречило и мешало проводимой программе:

- 1) «Общность быта», ее наличие, уже само по себе противоречило идеям социализма.
- 2) «Взаимной моральной ответственностью» мешает при работе, отвлекает человека от личных целей, вводит взаимную поруку, обоснованную на кровном родстве, а не на профессиональных или личных качествах.

По этим причинам власть не только не отрицала возможность влияния и изменения значения семьи, но и приветствовало идеи разрушения семьи как социально-общественного института, как основы общества.

Далее будут рассмотрены основные идеи разрушения семьи и восполнения образовавшегося «вакуума», и способы, которыми эти идеи воплощались в жизнь.

Идеи

Согласно отечественной литературе двух послереволюционных десятилетий, посвященной вопросам семьи и брака, то достаточно отчетливо выступают несколько линий разработки указанной проблематики.

Первая из них представляет собой попытку изложения основных этапов развития общественных форм человечества от первобытности до диктатуры пролетариата и коммунистического общества.

Но к вопросу о развитии семьи в СССР 20-х годов непосредственное отношение имеет вторая волна.

Вторая линия анализа семейно-брачной проблематики в 20-30-е гг. тесно связана с теоретико-идеологическим обеспечением освоения наследия классиков марксизма, программных заявлений и реакции теоретиков РКП(б) на реальные последствия разрушения старых и проблемы формирования новых семейно-брачных отношений и моральных принципов.

Основной посылкой, выдвинутой еще в «Коммунистическом манифесте» и развитой в других работах, было резко отрицательное отношение классиков марксизма к семье, основанной на частной собственности, наследовании и домашнем воспитании. В такой семье виделся наиболее консервативный оплот старого режима и предполагалось, что с разрушением старого общества уничтожение экономических основ буржуазной семьи едва ли не автоматически приведет к появлению «ростков» новой практики взаимоотношений полов и поколений.

Вопрос об отмирании семьи (по аналогии с отмиранием государства) при переходе к новому, коммунистическому обществу многим казался решенным, поэтому обсуждению подлежали «частные» моменты процесса отмирания: темпы, формы, условия и т. д. Так, Е. А. Преображенский считал, что при наличии общественного воспитания детей форма брака «внутри рабочего класса» вообще не может влиять на успехи или неудачи в борьбе пролетариата за коммунизм, а социальная проблема может возникнуть лишь

в плане здоровья, «физического сохранения и укрепления расы», потому ответы и решения здесь должна давать медицина, а не коммунистическая программа.

Достаточно авторитетной в 20-е гг. была идея К. Каутского о том, что с ликвидацией товарного производства исчезнет и семья, которую скрепляют не только узы любви, но и родительские чувства.

В 20-х — начале 30-х гг. на страницах комсомольской прессы развернулась широкая дискуссия по вопросам половой морали и практики. Основные этапы этой дискуссии и высказанные в ходе ее точки зрения изложены и проанализированы достаточно подробно. Представим кратко полярные точки зрения, между которыми поместился весь спектр суждений, высказанных по теме дискуссии.

Одна позиция принадлежит известному педологу и психологу А.Б. Залкинду, который писал, что половая жизнь допустима «лишь в том ее содержании, которое способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности, производственно-творческой боевой готовности, остроте познания». Регулироваться отношения между полами у представителей пролетарской молодежи должны, по Залкинду, двенадцатью «заповедями», предписывающими возраст и условия вступления в сексуальные отношения, их частоту, характеристики и количество «половых объектов» и т.д. Эти идеи перекликались с позицией теоретиков «организованного упрощения культуры», по мнению которых человечество, достигнув «сверхколлективизма», должно превратиться в «невиданный социальный автомат, не знающий ничего интимного и лирического».

Диаметрально противоположную точку зрения высказывала А. М. Коллонтай, считавшая, что пролетариат может признавать моральными лишь отношения полов, основанные на индивидуальной любовной страсти и сопряженные с духовной общностью. При этом отмечалось, что форма любовных отношений: длительный союз (в т. ч. и оформленный юридически) или «быстротечный брак» — не имеет значения.

Важным источником сведений о реальном поведении, нравах, установках людей того времени служат массовые опросы по проблемам отношений между полами, впервые в мировой истории проведенные в таких масштабах в разных регионах и социальных слоях. Несмотря на ряд недостатков этих исследований, они более точно отражали реальное положение дел, и свидетельствовали скорее о разрушении традиционных норм и ценностей межполового общения, чем о становлении новых.

Общественная и моральная дезорганизация общества в начале этого периода стимулировала обсуждение проблем семьи, брака, межполовых отношений с различных, но остающихся в рамках методологии марксизма, точек зрения. Но к концу периода все так или иначе сложившиеся представления были вытеснены идеей о смене буржуазной формы моногамии на советскую социалистическую (естественно, лучшую и прогрессивную). Эта идея была центральной во все время существования СССР.

Некоторую ущербность семьи в деле осуществления рабочим классом своих исторических задач ощущал Л. Троцкий. Он сетовал на то, что в области политики и экономики рабочий класс действует как целое, а вот в области быта он раздроблен на «клеточки семей». Утверждая, что в области семьи (и быта вообще), как и в области старых хозяйственных форм, есть свой период распада, Троцкий замечал, что в первой области этот период приходит с опозданием и длится дольше, тяжелее и болезненнее.

Но существовали и более оптимистичные взгляды на судьбу семьи в коммунистическом обществе.

В 1918 г. А. М. Коллонтай высказалась о перспективах развития семьи. Утверждая, что семья при коммунизме сохранится, Коллонтай подробно обсуждает вероятные ее изменения, касающиеся отмирания основных функций: бытовой и воспитательной — и делегирования этих функций обществу. По мнению Александры Михайловны, в результате указанных прогрессивных изменений возникнет новая семья как форма общения мужчины и женщины, равноправных членов коммунистического общества,

связанных взаимной любовью и товариществом. Взамен брачно-семейных «скреп» родства должны будут вырасти новые «скрепы» сознания коллективной ответственности, веры в коллектив как высшее моральное законодательное начало.

Сходные ожидания высказывал и А. В. Луначарский, полагавший, что при коммунистическом строе обществу будут безразличны формы любовных отношений между полами, а дети будут обеспечены самим обществом. В течение же всего переходного периода должна, по его мнению, существовать лишенная своих буржуазных черт (командования мужчины и погребения женщин под бременем домашнего хозяйства) парная семья — длительный союз во имя совместного строительства жизни, рождения и воспитания детей.

Реализация

Наиболее ярким представлением идей коллективизма, воплощением пролетарской идеи «обобществления быта» по отношению к семье является создание домов-коммун.

В 1920-е годы идею домов-коммун подхватил комсомол. В октябре 1920 года III съезд РКСМ предложил «в целях рационального улучшения положения... рабочей молодёжи в жилищном отношении... государственное декретирование домов-коммун рабочей молодёжи». Газета «Северный комсомолец» 2 марта 1924 года писала: «Молодёжь скорее, чем кто-либо должна и может покончить с традициями отмирающего общества... Пролетарский коллективизм молодёжи может привиться только тогда, когда и труд, и жизнь молодёжи будут коллективными. Лучшим проводником такого коллективизма могут явиться общежития-коммуны рабочей молодёжи. Общая коммунальная столовая, общность условий жизни - вот то, что необходимо прежде всего для воспитания нового человека.»

Обобществление понималось весьма своеобразно:

«Половой вопрос просто разрешить в коммунах молодёжи. Мы живём с нашими девушками гораздо лучше, чем идеальные братья и сёстры. О женитьбе мы не думаем, потому что слишком заняты, и к тому же совместная жизнь с нашими девушками ослабляет наши половые желания. Мы не чувствуем половых различий. В коммуне девушка, вступающая в половую связь, не отвлекается от общественной жизни».

Партийные деятели всецело поддерживали молодёжный коммунарский задор, считая, что коммуна — «...это организация на почве обобществления быта новых общественных отношений, новых взаимоотношений между членами коммуны, новых... товарищеских отношений между мужчиной и женщиной» (Н. К. Крупская).

Общежития-коммуны создавались как при различных предприятиях и учебных заведениях, так и стихийно — самими молодыми людьми, вдохновлёнными идеями обобществления быта и разрушения патриархальной семьи.

Во многих случаях, в особенности в коммунах рабочей молодёжи, создававшихся на ленинградских фабриках и заводах, быт обобществлялся полностью, и прежде всего в плане финансов: от 40 до 100 % заработка обобществлялось, и коммунары получали из «общака» деньги на обеды, трамвайные билеты, табак. Из общих денег выписывались газеты, отчислялась оплата за баню и кино, платились алименты. Без разрешения коллектива нельзя было покупать вещи.

Но сами по себе дома-коммуны не оправдали возложенных на них надежд как и из-за качества постройки самих домов, так и из-за невозможности разным людям успешно жить вместе.

Сами коммунары впоследствии вспоминали:

«Позднее, когда мы лучше познакомились друг с другом, пожили буднями, мы увидели, какие мы разные люди, и как калечилась инициатива ребят из-за скороспелого желания быть стопроцентными коммунарами.»

Официально дома-коммуны просуществовали до XVII съезда ВКП(б) (1934), признавшего, что это были «уравниловско-мальчишеские упражнения левых головотяпов».